

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-5

Исследовательская статья

Благорожева Ж. О. | **Матримониальные стратегии региональной молодежи**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
blagorozheva@bsuedu.ru

Аннотация. Эффективные матримониальные стратегии молодежи являются фундаментом реализации задач национальной политики, условием перехода к оптимистическому сценарию демографического развития, а в методическом плане становятся основой демографического прогнозирования и результатом воздействия социализационных институтов на систему ценностей молодежи. Целью статьи является определение потенциалов и рисков показателей матримониальных диспозиций и стратегий региональной молодежи в отношении региональной демографии и развития регионального человеческого капитала. В статье проанализированы результаты исследования 2023 года, посвященного изучению жизненных стратегий региональной молодежи, респондентами онлайн опроса стала молодежь Белгородской области в количестве 5881 человека в возрасте от 14 до 35 лет, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов. В качестве основы анализа использованы данные по матримониальным диспозициям молодежи и жизненным планам в матримониальных стратегиях. Определено, что агентные модели социальных групп имеют определенную специфику в матримониальных диспозициях и жизненных планах, что позволило говорить о потенциалах и рисках матримониальных стратегий молодежи для национальной политики и демографического развития. Важным научным результатом является вывод о том, что молодые люди, принадлежащие к традиционному типу матримониальных диспозиций, демонстрируют более эффективные, социально значимые выборы относительно матримониальных планов и других социальных стратегий. Такой результат может стать научным основанием для национальной идеи и национальных программ.

Ключевые слова: молодежь; матримониальные стратегии; матримониальные диспозиции; традиционная семья; традиционные семейные ценности; жизненные стратегии

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Информация для цитирования: Благорожева Ж. О. Матримониальные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 89-110. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-5

Research article

Zhanna O. Blagorozheva | **Typology of matrimonial dispositions of youth as a basis for life choice**

Belgorod State National Research University,
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia
blagorozheva@bsuedu.ru

Abstract. Effective matrimonial strategies of youth are the foundation for the implementation of national policy objectives, a condition for the transition to an optimistic scenario of demographic development, and in methodological terms they become the basis for demographic forecasting and the result of the impact of socialization institutions on the value system of youth. The purpose of the article is to determine the potentials and risks of indicators of matrimonial dispositions and strategies of regional youth in relation to regional demography and the development of regional human capital. The article analyzes the results of a 2023 study devoted to the study of life strategies of regional youth. The respondents of the online survey were 5881 young people of the Belgorod region, a quota sample in relation to gender, age, type of settlement and territory of residence of respondents. The analysis is based on data on matrimonial dispositions of young people and life plans in matrimonial strategies. It was determined that agent-based models of social groups have a certain specificity in matrimonial dispositions and life plans, which made it possible to talk about the potentials and risks of matrimonial strategies of young people for national policy and demographic development. An important scientific result is the conclusion that young people belonging to the traditional type of matrimonial dispositions demonstrate more effective, socially significant choices regarding matrimonial plans and other social strategies. Such a result can become a scientific basis for a national idea and national programs.

Keywords: youth; matrimonial strategies; matrimonial dispositions; traditional family; traditional family values; life strategies

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic “Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space”.

Information for citation: Blagorozheva, J. O. (2024), “Typology of matrimonial dispositions of youth as a basis for life choice”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 89-110. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-5

Введение (Introduction). Молодежь представляет социально-демографическую группу, характеризующуюся определенным возрастом, социальным статусом, социально-психологическими характеристиками, что особым образом отражается на матримониальных

стратегиях. Но самое главное – молодой возраст является тем периодом, где закладывается ценностно-мотивационный матримониальный комплекс, формируются матримониальные установки, в том числе на основе первичной социализации, пробуются и утверждаются образцы

матримониального поведения. По эталонным нормам, молодежный возраст определяет границы реализации всех основных этапов матримониальных стратегий – выбор партнера, вступление в брачные отношения, становление молодой семьи, рождение детей, укрепление семьи. Под эталонными нормами понимаются нормы, специально созданные в качестве образцов для подражания¹.

Согласно данным Росстата, возрастной интервал молодежи как социально-демографической группы составляет 15-29 лет², но данный интервал существенно раздвигает принятый закон о молодежной политике, который расширяет возрастные границы молодого возраста до 35 лет³. Нижняя граница предполагает половое созревание, получение общеобразовательного и начало профессионального образования. Юридическое совершеннолетие, окончание профессионального обучения, экономическая самостоятельность, рождение первого ребенка характеризует среднюю границу молодежи как социально-демографической группы. Активная профессиональная деятельность, карьерная реализация, развитие и укрепление (возможно и расширение) семьи – все это можно отнести к добавленному законом о молодежной политике возрастному интервалу молодого возраста. Каждая возрастная группа характеризуется определенным этапом реализации матримониальных стратегий.

Младшая молодежная группа (15-18 лет) – это, как правило, учащиеся, которые находятся на иждивении родителей, продолжая или завершая общее образование. Молодежь этого возраста еще не имеет гражданских прав, позволяющих

им вступать в брачные союзы, но при этом происходит активное формирование матримониальных установок, ценностей, формируются и трансформируются матримониальные мотивы, складывается образ идеального партнера, формируется опыт отношений, которые также становится основой модели будущего матримониального поведения.

Средний молодежный возраст (от 18 до 24 лет) представлен студентами, молодыми рабочими, которые могут жить с родителями или самостоятельно от родителей, имея определенный доход. В этом возрасте матримониальные установки активно проверяются через матримониальное поведение, корректируется образ партнера, образ семьи и семейных отношений. В зависимости от выбранных стратегий идет поиск партнера, поддерживающего их, молодежь в этом возрасте активно вступает в брак, формируя молодые семьи и рождая первых детей.

К старшей молодежной группе (25-29 лет) относят молодых взрослых, сделавших профессиональный выбор, имеющих определенную профессиональную квалификацию и опыт. Матримониальные установки уже оформлены, как правило появляются устойчивые модели матримониального поведения, которые проявляются либо в продолжающихся поисках партнера, либо в выстраивании с ним семейных отношениях. Для имеющих детей появляются новые задачи, связанные с их воспитанием и обеспечением достойного существования. При этом данную возрастную группу характеризует повышенная конфликтность, что часто является источником распада браков. В

¹ Флиер А. Я. Религиозные и художественные образы как воплощение эталонных культурных норм // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). С. 35-42.

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 05.05.2024).

³ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400156192/?ysclid=lxisrvjyiv330160044> (дата обращения: 05.05.2024).

этом возрасте возможно обращение и к институту повторного брака.

И, наконец, «новая молодежь», группа в возрасте 30-35 лет, характеризуется, как правило, устойчивым социально-экономическим положением, семейной определенностью, наличием детей. Одновременно с этим возрастает количество разводов, повторных браков, часто на основе возрастных кризисов, которые оказывают свое влияние на матримониальные стратегии, способны трансформировать установки и мотивационные аспекты брачно-семейных отношений.

Таким образом, молодежь в рамках своего возрастного периода способна реализовать все этапы *матримониального воспроизводственного цикла*, под которым мы понимаем циклично самоорганизованный процесс реализации этапов формирования матримониальных отношений в течении жизни индивида, с сохранением результатов каждого этапа в ресурсном, социальном и культурном капитале человека. *Этапы воспроизводства* включают в себя формирование матримониальных установок, ценностей и моделей поведения, выбор брачного партнера, вступление в брачные отношения (с учетом разнообразия их форм), функционирование семьи, деторождение.

Это определяет актуальность изучения ее матримониальных стратегий для прогнозирования демографических тенденций и рисков, способных оказать негативное влияние на достижения национальных показателей развития, отраженных в национальных программах и стратегиях.

Для приграничного региона, которым является Белгородская область, внимание к матримониальным стратегиям молодежи имеет повышенную остроту, связанную с

угрозами демографической структуре региона, обусловленными миграционными процессами, вымыванием человеческого капитала, прежде всего молодежи по причине повышенной опасности территории.

В этой связи, целью статьи является установление потенциалов и рисков, отраженных в матримониальных диспозициях и стратегиях региональной молодежи, для воспроизводства регионального человеческого капитала.

Методология и методы исследования (Methodology and methods).

Тема изучения матримониальных стратегий молодежи, под которыми мы понимаем формируемый у молодежи и реализуемый в определенных условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями, широко представлена в пространстве научного дискурса и исследовательской повестки.

Особую роль в формировании методологии изучения матримониального поведения играют работы отечественных авторов, посвященных социологии семьи (Антонов, 1998; Голод, 1996; Харчев, Мацковский, 1978). Также, матримониальное поведение россиян исследуется в работе А. Я. Артамоновой, Е. С. Митрофановой (Артамонова, Митрофанова, 2018), Н. А. Бухаловой (Бухалова, 2011), но особенно важны для нашей статьи работы, посвященные особенностям матримониального поведения молодежи (Ростовская, 2015; Миронова, 2016).

Как правило, научные публикации по теме нашего исследования посвящены ценностным диспозициям, установкам и мотивам матримониального поведения молодежи: методологическую основу для

национальной идеи представляют исследования по изучению семейных ценностей молодежи (Вержибок, 2018) и брачно-семейных установок (Ростовская, Шабунова, Калачикова, 2023; Семенцова, 2022).

Важным, в контексте демографического прогноза, являются исследования и анализ репродуктивных установок молодежи, которые мы находим в работах Т. К. Ростовской (Ростовская, Князькова, 2021), Л. А. Поповой (Попова, 2022), коллектива Ю. Р. Вишневого (Вишневский, Дидковская, Зырянова, 2024)

Матримониальные стратегии оказывают влияние на все жизненные сферы (и в целом на социальное здоровье) и одновременно могут трансформироваться под влиянием жизненных планов (например, в сфере образования, относительно миграционных стратегий). Такие связи также отражены в научном дискурсе (Сигарева, Сивоплясова, Муртузалиева, 2018; Поленова, Лазуренко, Подпоринова, Королева, 2023).

Особенно важным, по-нашему мнению, является системное изучение матримониальных стратегий групп молодежи, относящихся к группам социальной уязвимости, имеющих повышенные риски, связанные с экономическими возможностями, трудностями адаптации к новым ролям и параллельными интенсивными процессами обучения, профессионализации, решения трудной ситуации (болезнь, инвалидность и т.д.) – с этой позиции представлен анализ стратегий благополучия студенческих семей в работах авторского коллектива под руководством Т. К. Ростовской, где проблемы студенческих семей рассмотрены с точки зрения влияния сложной конфигурации внутренних и внешних факторов, создающих потенциалы и риски приобретения такими семьями

показателей благополучия (Ростовская, Васильева, 2023). Ученые и в других работах поднимают проблему благополучия молодых семей как результата успешных (эффективных) матримониальных стратегий (Ростовская, Безвербная, 2022).

С позиции региона, специфики региональной ситуации, задач региональной политики, интересны работы, показывающие статику и динамику показателей матримониальных стратегий молодежи – анализ проблемных компонентов может быть использован в последствии органами управления на разных уровнях (Благорожева, 2022).

Наличие широкого научного дискурса не снижает важности задачи мониторинга показателей элементов матримониальных стратегий для региональной политики, фиксации рисков и потенциалов в вопросе достижения показателей регионального развития в свете национальной идеи и проектов.

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга социальных стратегий молодежи, который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 года. В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре 2023 года, респондентами онлайн опроса стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5881 человека в возрасте от 14 до 35 лет, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительным квотным признаком в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая) (Таблица 1).

Характеристики выборки исследования, %

Таблица

Table

Characteristics of the study sample, %

Значения / Values	Частота / Frequency	%
Возраст респондентов / Age of respondents		
14-15	992	16,9
16-17	1137	19,3
18-21	2418	41,1
22-25	621	10,6
26-30	363	6,2
31-35	350	6,0
Пол респондентов / Gender of respondents		
мужской / male	2377	40,4
женский / female	3504	59,6
Место проживания респондентов / Place of residence of respondents		
Средний город – областной центр / Medium-sized city – regional center	2643	44,9
Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	1472	25,0
Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	1766	30,0
Распределение респондентов по группам занятости / Distribution of respondents by employment groups		
Обучаются в школе, гимназии, колледже, училище / They study at school, gymnasium, college, vocational school	2374	40,4
Обучаются в высшем учебном заведении / Studying at a higher education institution	2350	40,0
Работают / They are working	1127	19,2
Окончили учебное заведение, но временно не работают / Graduated from an educational institution, but are temporarily unemployed	30	0,5
Итого ответивших / Total number of respondents	5881	100,0

Показателями исследовательской модели выступили экономическая, политическая, карьерная, семейная, образовательная, общественная, духовно-нравственная, миграционная, досуговая, самосохранительная, самореализационная и коммуникативная стратегии. В качестве индикаторов в 2023 году для каждой стратегии были продиагностированы типы стратегических диспозиций, направления жизненного планирования (жизненные стратегии), ключевые и ценностные диспозиции, проблемный компонент и инвестиционные возможности молодежного человеческого капитала для

региона. В рамках статьи авторы ограничиваются типологией стратегических диспозиций и жизненными планами по каждой социальной стратегии.

Операционализация типов, положенная в основу типологии для каждой стратегии, основана на возможных вариантах отношения к данной стратегии или ее ценностному ядру (например, семья для семейных стратегий, здоровье – для самосохранительных, ценность и важность самореализации для самореализационных, миграционные ориентации для миграционных, важность карьеры для карьерных стратегий и т.д.). В вопросах,

касающихся типологии стратегических диспозиций, молодым респондентам предлагались вопросы определения ведущей жизненной установки относительно стратегии, которая определяла бы их дальнейшее поведение (предлагалось ответить на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?»). Выборы по данному вопросу были даны в закрытой форме и на альтернативной основе (не предусмотрено множественного выбора и открытых вариантов ответов). Это позволило получить более четкую структуру типов для региональной молодежи. Результаты предыдущих исследований были отражены в публикациях коллектива (Кисиленко, Шаповалова, 2023; Шаповалова, 2021; Шаповалова, 2023).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Основой исследовательской модели изучения матримониальных стратегий региональной молодежи стало выделение четырех типов матримониальных диспозиций. Были выделены:

- традиционный тип, отличающийся приверженностью традиционным семейным ценностям, традиционной семье и распределению ролей среди мужчины и женщины (к нему относятся абсолютное большинство региональной молодежи, 54,5%);

- либеральный тип, показывающий определенные свободы в выборе матримониальных стратегий, вольное восприятие семьи, приверженность к альтернативным матримониальным идеологиям (также представляет значительное количество мнений среди молодых людей, 33,6%);

- эгоцентричный тип, для которого семья не является приоритетной ценностью, гораздо более значима ценность самореализации (8,1%);

- неформальный тип, отрицающий институт семьи и брака, не считающий семью в ее традиционном понимании значимой ценностью (3,8%) (Рисунок 1).

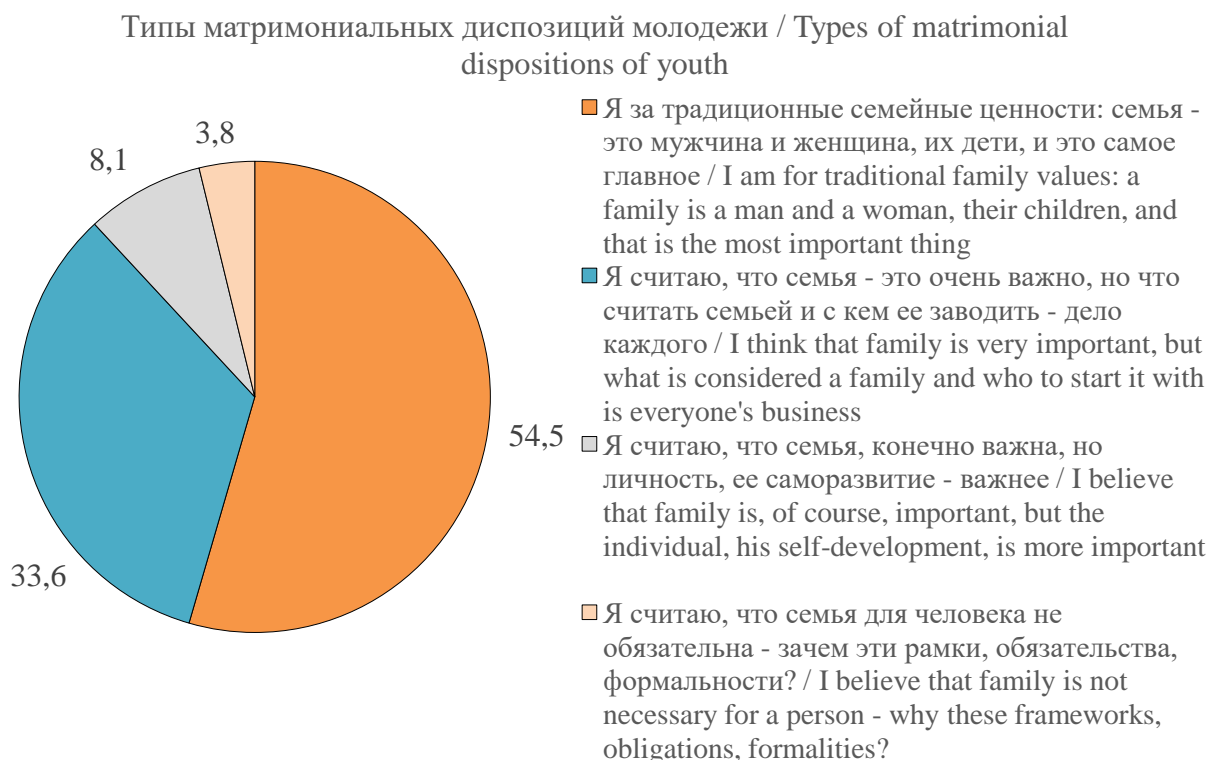

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?»
Figure 1. Respondents' answers to the question: "Which group do you belong to?"

Трехгодичная динамика показателей мониторинга демонстрирует значительный рост молодежи традиционного типа в 2022 году (с 45,0 до 55,5%) и сохранение этих показателей для 2023 года, снижение доли молодежи либерального типа (с 39,6% в 2021 году до 32,8% в 2023 году) и небольшое снижение групп для эгоцентричного (с 10,9% в 2021 году до 9,4% в 2023 году) и неформального типа (с 4,4% в 2021 году до 2,9% в 2023 году).

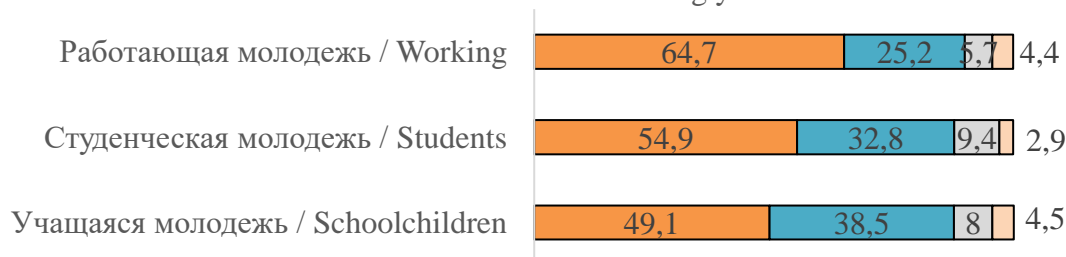
Рассматривая гендерный выбор для матримониальных диспозиций, можно отметить, что несмотря на приоритет для обоих полов консервативного типа, мужчины более тяготеют к нему (58,2% к 52% у женщин), менее чем женщины поддерживают либеральный (31,0% к

35,3% у женщин) и эгоцентричный тип (6,4% к 9,3% у женщин).

По-нашему мнению, это обусловлено некоторой феминизацией матримониальной идеологии для девушек. Но, в любом случае, даже если в основе такого выбора лежит возрастной фактор, есть риск формирования определенного спектра установок, способных повлиять на воспроизводственный цикл матримониальных стратегий и их конечную эффективность (так как ведущая роль в их реализации должна быть отведена все-таки женщине).

В структуре разных групп молодежи можно зафиксировать следующий статистический ландшафт (Рисунок 2).

Типология матримониальных диспозиций учащейся, студенческой и работающей молодежи / Typology of matrimonial dispositions of students, students and working youth

- Я за традиционные семейные ценности: семья - это мужчина и женщина, их дети, и это самое главное / I am for traditional family values: a family is a man and a woman, their children, and that is the most important thing
- Я считаю, что семья - это очень важно, но что считать семьей и с кем ее заводить - дело каждого / I think that family is very important, but what is considered a family and who to start it with is everyone's business
- Я считаю, что семья, конечно важна, но личность, ее саморазвитие - важнее / I believe that family is, of course, important, but the individual, his self-development, is more important
- Я считаю, что семья для человека не обязательна - зачем эти рамки, обязательства, формальности? / I believe that family is not necessary for a person - why these frameworks, obligations, formalities?

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от статуса респондентов

Figure 2. Respondents' answers to the question: "Which group do you belong to?" depending on the respondents' status

Консервативный тип максимально превалирует для работающей молодежи и в структуре ее собственного выбора и по отношению к такому же выбору других групп (64,7%), но при этом стоит отметить и отрицательную динамику – так, в 2022 году среди данной группы традиционный тип составлял 80,6%. Либеральный выбор более других групп характерен для учащейся молодежи, что может объясняться, в том числе, возрастной динамикой – период становления собственного мировоззрения в совокупности с повышенной потребностью самопрезентации и демонстрации, характерной для поколения Z, все это приводит к выборам, которые с возрастом нивелируются. Эгоцентричный тип чаще представлен в группах студенческой и учащейся молодежи (9,4%), и, по нашему мнению, это сопряжено с возрастными периодами поиска собственных путей самореализации. Неформальный тип как модель поведения более других выбирается учащейся и работающей молодежью (4,4-4,5%).

Исходя из выявленных возрастных тенденций, можно считать, что соотношение типов матримониальных диспозиций, представленное в группе работающей молодежи, является именно тем соотношением, которое можно обозначить как характеристику человеческого капитала региона, и значительное преобладание традиционного типа, с одной стороны, показывает правильный вектор социального воздействия на молодежь, с другой – выявленная отрицательная динамика представленности традиционного типа демонстрирует, что в данную группу вошла когорта молодежи (первые годы поколения Z, 2000-2002), приверженность которой либеральным ценностям в матримониальных стратегиях является не возрастной особенностью, а интериоризированным убеждением (установкой).

Для молодежи различных поселений также есть своя специфика матримониальных ориентаций (Рисунок 3). Консервативный тип более других присутствует на селе (56,2%) и малом городе (57,6%), либеральный представлен более в среднем городе и там же чуть более, чем в остальных группах, представлен неформальный тип. Таким образом, среда среднего города, несмотря на обилие мероприятий социальной направленности (прямо и косвенно влияющих на формирование традиционных семейных ценностей), формирует социализационный результат, отражающий большие риски формирования либерального отношения к семье – то, что с одной стороны является показателем качества жизни (например, большая информационная и досуговая обеспеченность, повышенные коммуникативные навыки, цифровые компетенции), создает полярный отклик в виде снижения социально эффективных типов в матримониальных стратегиях.

В отношении жизненного выбора матримониальных стратегий стоит отметить, что вступление в брак, как обязательное жизненное решение, предусмотрено только для 57,4% молодежи (в 2022 году такой выбор сделали 51,0%), а вот необязательным такой шаг для себя считают 12,7% (Рисунок 4). 12% не считающие обязательным для себя вступление в брак, с одной стороны, не представляются настолько критичным показателем, особенно с учетом положительной динамики по данным выборам (в 2022 году – 17,7%), но с другой – соответствующий процент выборов мы видим в группе молодежи идентифицирующих себя с такой альтернативной матримониальной идеологией как «безбрачие» (добровольный отказ от вступления в брак) (Благорожева, Шаповалова, 2024), что повышает риски нарушения воспроизводственного цикла матримониальных стратегий.

Типология матримониальных диспозиций молодежи в зависимости от места проживания / Typology of matrimonial dispositions of youth depending on place of residence

- Я за традиционные семейные ценности: семья - это мужчина и женщина, их дети, и это самое главное / I am for traditional family values: a family is a man and a woman, their children, and that is the most important thing
- Я считаю, что семья - это очень важно, но что считать семьей и с кем ее заводить - дело каждого / I think that family is very important, but what is considered a family and who to start it with is everyone's business
- Я считаю, что семья, конечно важна, но личность, ее саморазвитие - важнее / I believe that family is, of course, important, but the individual, his self-development, is more important
- Я считаю, что семья для человека не обязательна - зачем эти рамки, обязательства, формальности? / I believe that family is not necessary for a person - why these frameworks, obligations, formalities?

Рисунок 3. Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от места проживания респондентов

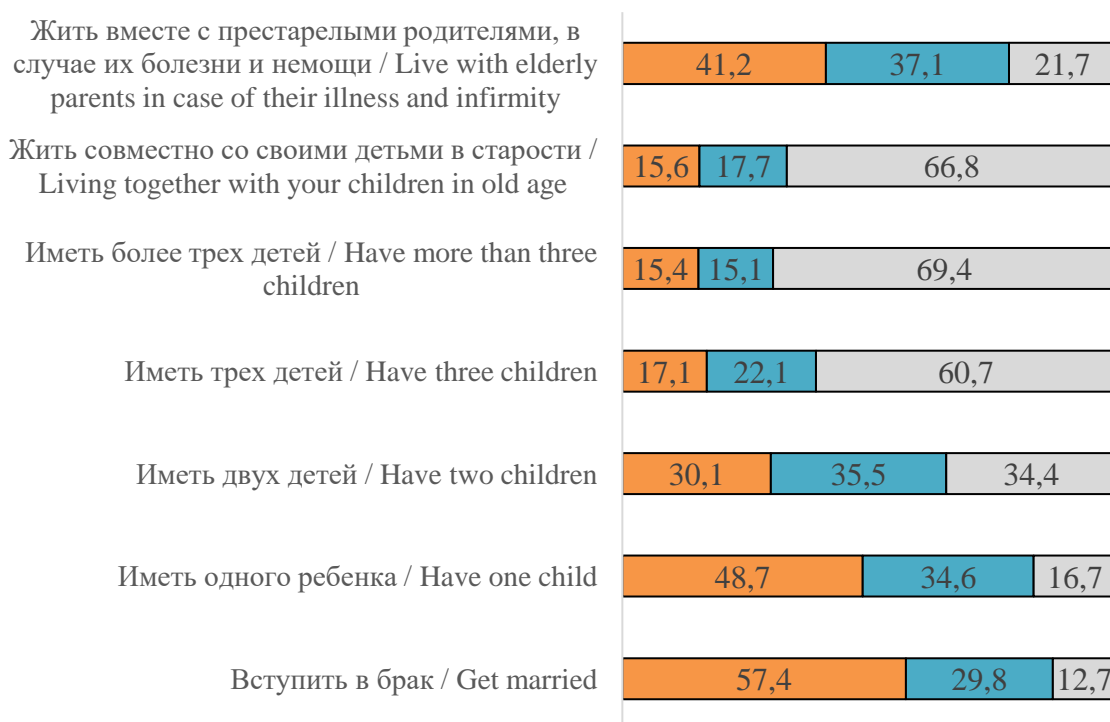
Figure 3. Respondents' answers to the question: "Which group do you belong to?" depending on the respondents' place of residence

Обязательным для 48,7% молодежи становится рождение одного ребенка, для 16,7% этот шаг не является обязательным к планированию. Рождение второго ребенка уже предусмотрено как обязательный шаг для 30,0%, необязательным его считают уже 34,4%; а вот третий ребенок в обязательных планах только у 17,1% – 60,7% не планируют этот шаг (было 70,9%). Соответственно, по нисходящей прогрессии рождение более трех детей предусмотрено у 15,4% и не планируется у 69,4%. В принципе, такое распределение, с

учетом ответов желательно, является даже оптимистичным, позволяющим демографам более точно рассчитать будущий прирост населения региона, с учетом даже процентной оправданности таких прогнозов.

Жить вместе с родителями, оказавшимися в трудной ситуации, обязательно планируют 41,2%, 21,7% не считают это обязательным. А вот жить со своими детьми в старости обязательно планируют только 15,6%, 66,8% будут стараться этого избежать.

Матримониальные жизненные стратегии молодежи / Matrimonial life strategies of young people

■ Обязательно / Necessarily ■ Желательно / Necessarily □ Не обязательно / Not necessarily

Рисунок 4. Ответы респондентов на вопрос: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги?»

Figure 4. Respondents' answers to the question: "How important is it for you to take the following steps in the future?"

Динамику в отношении жизненных планов молодежи в матримониальных стратегиях можно назвать достаточно весомой, она показывает некоторое отличие от практически совпадающих показателей 2021-2022 года, что, по нашему мнению, обусловлено акцентами национальной политики, введением тематических воспитательных программ, направленных на семейные ценности и традиционную семью. В обязательных и положительных выборах отмечается увеличение показателя желания вступить в брак (на 6 пунктов) и соответствующие уменьшение показателя незначимости данного выбора для молодежи, что

сокращает риск выбора таких матримониальных стратегий как безбрачие и отложенный брак.

Несколько сложнее и неоднороднее обстоит ситуация с динамикой репродуктивного планирования – так, обязательный выбор рождения одного ребенка падает на 4% с 2021 года, при том, что на такой же процент вырастает общий положительный выбор и уменьшается необязательный выбор первого деторождения, сокращая риск выбора неэффективных стратегий чайлдфри и отложенного деторождения. Во всех остальных случаях жизненного планирования, связанного с рождением

двух, трех и более детей, идет прогрессирующий разрыв в росте показателей обязательного и положительного выбора: так, если динамика по обязательному и положительному выбору в рождении двух детей составляет 1,1% и 3,3%, то для планирования последующих детей это уже практически 7% и 8%, при аналогичном уменьшении показателей необязательного выбора. Стоит обратить внимание, что положительные выборы рождения трех детей при этом достигают уже 39,2%, а более чем трех детей – 30,5%. Таким образом, можно говорить о возникновении жизненных планов у трети молодежи, связанных с многодетной семьей. Безусловно, устойчивость тренда покажут следующие 2-3 года мониторинга, но эффект существующего мягкого воздействия (а также социализационный результат поколения) очевиден.

В плане межпоколенческого взаимодействия и поддержки, а также вероятности выхода матримониальных стратегий на расширенную семью, наблюдается динамика показателей включения себя (как родителя) в семью детей, но при этом динамика включения собственных родителей в свою семью отсутствует, что нивелируется высокими показателями обязательного и положительного выбора (согласия) принять родителей в свою семью в их старости (41,2% и 78,3%) и достаточно низким процентом необязательного выбора по этому жизненному шагу (21,7%).

Различие в жизненных планах для молодежи разных социальных групп показывает нам специфику жизненного выбора, обусловленного факторным структурным комплексом матримониальных стратегий (Приложение). Гендерное различие в отношении жизненного планирования в матримониальных стратегиях дает нам

возможность увидеть вероятностные матримониальные установки, формируемые в отношении разных полов, а также некоторые тенденции в будущей реализации матримониальных стратегий. Так, в отношении принятия решения о браке, мы видим, что и обязательный выбор, и совокупный положительный выбор в этом отношении более характерен для мужчин, как и для женщин решение, что брак не так уж и обязателен. Статистический разрыв увеличивается в положительных (и прежде всего обязательных) выборах определения рождения одного, двух, трех и более детей, при превалировании показателя необязательного выбора со стороны молодежи женского пола. Особенно беспокоит показатель необязательного выбора в отношении рождения одного ребенка – он составляет 18,1% (при мужском аналогичном выборе в 14,6%). Данные показатели потенциально свидетельствуют о поддержке идеологии чайлдфри, способствуют отсроченному деторождению как минимум и выбор практически пятой части молодых женщин может привести к серьезным демографическим кризисам и в принципе сделать неосуществимой прогнозную демографическую стратегию. Похожую ситуацию мы наблюдаем и относительно решений совместного проживания с детьми или с родителями – мужчины выражают большую готовность к проживанию в обоих случаях.

Рассматривая жизненные планы молодежи разных поселений, стоит отметить, что, хотя обязательный выбор относительно брака и рождения первого ребенка несколько выше у сельской молодежи, совокупный положительный выбор данных решений нивелирует эту разницу, которая приводит к отсутствию различий в необязательном выборе – таким образом, нельзя говорить о серьезных

отличиях в данном вопросе, обусловленном процессом социализации в различных поселенческих культурах. Но относительно дальнейшего деторождения наблюдается существенная разница в принятии решений для жителей среднего города по отношению к малым городам и сельским поселениям – особенно она очевидна при ответах на вопрос о рождении трех и более детей – городская молодежь (молодежь среднего города) более ориентирована на такие решения, нежели сельская и молодежь малых городов. И здесь мы приходим, с одной стороны, к парадоксу, с другой – к закономерной реакции на существующие различия в качестве жизни. Парадокс заключается в противопоставлении данных исследования стереотипу сельского менталитета, в котором есть определенные установки на многодетную семью, а закономерность показывает нам ответную реакцию на более низкие показатели уровня жизни в малых городах и сельских поселениях, не способствующие принятию решения о деторождении.

Различительный признак, связанный со статусом молодежи, не показывает нам существенных различий относительно планирования брака, но по отношению к рождению первого ребенка учащаяся молодежь дает нам несколько меньшее количество необязательных выборов. Так как, такие факторы как статус, возраст и генерация пересекаются в определенном смысле, мы можем предположить, что введение акцентов в школьном воспитании (а иногда и образовании), смещает установки учащейся молодежи в сторону от возможного отказа от деторождения. Чуть большие показатели обязательных и положительных выборов получены в отношении учащейся молодежи и для всех позиций по деторождению. Но, одновременно с этим, все эти выборы в минимальных значениях представлены для

студенческой молодежи. Апеллируя одновременно к возрасту и социальной ситуации (студенчество, как время активного становления и самореализации, а включение мероприятий «семейного воспитания» на этапе вторичной социализации), а также с учетом того, что у работающей молодежи все показатели поддержки деторождения выше чем у студенческой (но ниже, чем у учащейся), можно выдвинуть два варианта объяснения: имеет место возрастная динамика, возврат ценностей института семьи на этапе взросления и перехода к следующим этапам реализации матримониальных стратегий; второй вариант – ядерные представители поколения Z (начальные и центральные годы рождения для периода этого поколения) имеют меньшую ориентацию на деторождение, что может отразиться в последующих шагах по реализации жизненных планов.

Стратификационный фактор, связанный с экономическим благополучием молодежи и их семей, дает явно выраженную прямую зависимость поддержки всех жизненных матримониальных планов от роста такого благополучия. Высокие показатели необязательных выборов для групп молодежи, чьи семьи имеют уровень жизни ниже среднего, создают высокие риски выбора ими неэффективных матримониальных стратегий, в том числе и отказ от брака, деторождения, поддержки родителей. По-нашему мнению, связано это с отсутствием ресурсов для видения в ближайшей перспективе возможности осуществления таких шагов. По сути, пресловутая пирамида потребностей не дает возможности ощутить потребность в создании семьи и рождении детей без удовлетворения потребностей первичных, находящихся на более низком уровне.

Возраст, как фактор, влияющий на формирование матримониальных стратегий, с одной стороны, показывает уже обозначенные нами аспекты молодежных статусов в выборе матримониальных жизненных планов, с другой – показывает более точно возрастные группы, которые формируют рисковую зону необязательных выборов относительно важных в демографическом плане шагов. Так, относительно решения вступить в брак, наибольшее количество необязательных выборов получено от молодежи 18-21 года и 26-31 (около 14%). В отношении последней группы риск, возникающий на основе такого показателя наиболее очевиден – возраст брачного определения (конечного выбора брачного партнера, брачной формы, вступления в брак, создания семьи) диктует

необходимость соответствующих этапов воспроизводственного цикла матримониальных стратегий, задержка или отказ от их реализации могут привести к их неэффективности в дальнейшем.

В реализации репродуктивных шагов рискованной становится группа молодежи 18-21 год (как правило студенческая молодежь). Выше данный феномен был разобран, в контексте позитивного сценария (возрастная динамика) и негативного сценария (социальная черта ядра поколения).

В рамках анализа были установлены связи выборов молодежи разных типов матримониальных диспозиций с жизненными стратегиями в этой сфере (Рисунки 5).

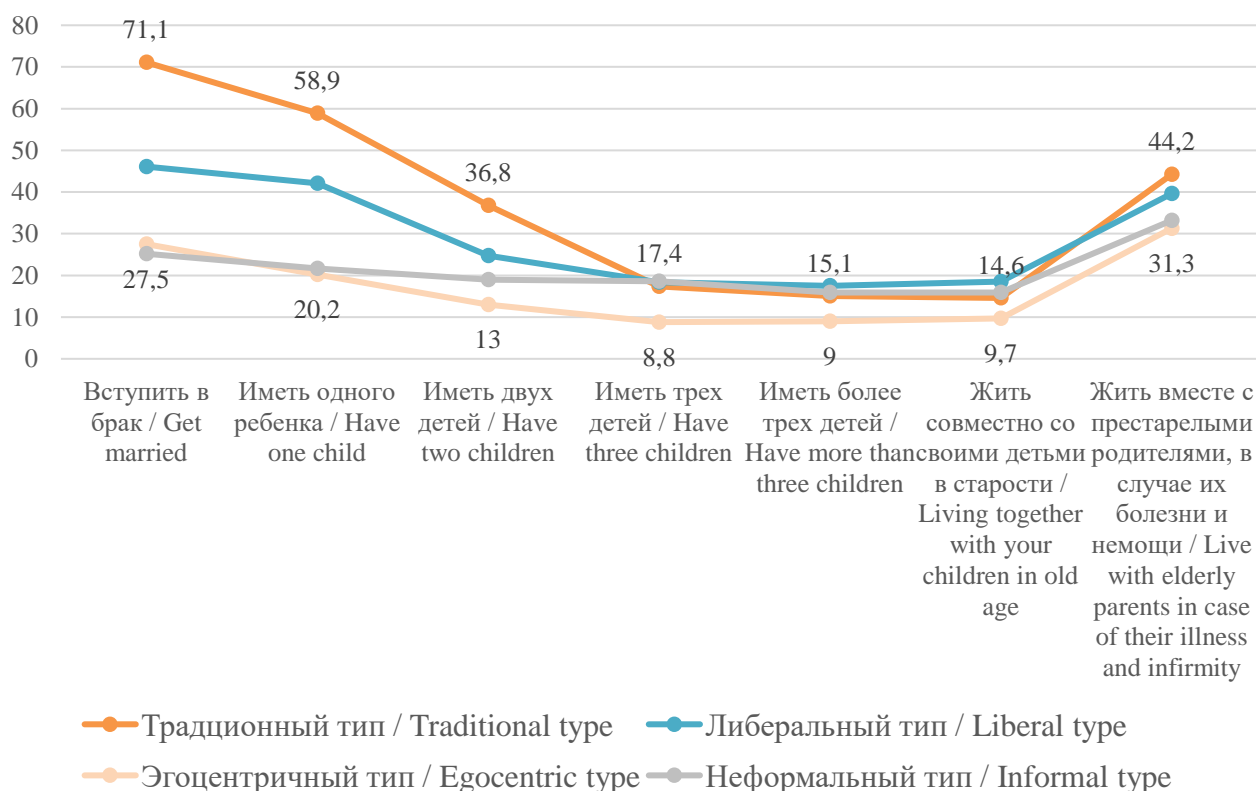

Рисунок 5. Жизненные планы в зависимости от типа матримониальных диспозиций (обязательный выбор)

Figure 5. Life plans depending on the type of matrimonial dispositions (obligatory choice)

Данные исследования показывают разрыв матримониальных планов, относительно брачного намерения разных типов. Так, консервативный тип имеет брачные намерения в качестве обязательного жизненно шага на 25 пунктов превышающие аналогичные для либерального типа и в 3 раза превышающие намерения остальных. Конечно, можно говорить о положительных ответах в той или иной степени по этому вопросу, суммируя варианты «обязательно» и «желательно», но и здесь мы получаем видимую разницу значений (95,1%, 85,1%, 64,7%, 42,5% соответственно для каждого типа). Если смотреть на остальное поле жизненного планирования матримониальных стратегий, можно сделать однозначный вывод – традиционный тип имеет гораздо больше предпосылок, заложенных в жизненном планировании, к реализации эффективных матримониальных стратегий. Это очевидно и в отношении обязательных выборов относительно одного и двух детей, также в отражении обязательного жизненного плана, где видна и большая вероятность объединения с родителями, в случае их критического положения. Но в реализации стратегии многодетности все стратегии выходят на близкие показатели жизненного планирования, и как обязательные шаги такие планы даже несколько больше представлены для либерального и

неформального типа. В рассмотрении жизненных планов разных типов очевидна закономерность, связанная с наименьшими жизненными выборами всех шагов матримониального воспроизводства для эгоцентричного (типа, концентрированного на себе и своих потребностях) и неформального типов, таким образом можно предположить, что именно данные типы являются основными продуцентами неэффективных матримониальных стратегий среди молодежи.

Для будущего развития региона важна позиция молодежи относительно планирования жизненных стратегий их детей. В планировании будущего молодежью для собственных детей относительно привязки к региону, 31,1% молодежи выбирает закрепление детей в месте проживания (Рисунок 6). 20,3% выбирают для них стратегию академической мобильности, с последующим возвратом в Белгородскую область – таким образом порядка 50% видят идентичность и будущее своих детей с родным регионом. 12,1% видят в качестве стратегии для своих детей межрегиональную миграцию, а 5,8% будут ориентировать на эмиграцию. 26,5% затруднившихся с ответом, это прежде всего учащаяся молодежь, для которой такое долгосрочное планирование затруднительно.

Планируемые молодежью стратегии для собственных детей / Strategies planned by young people for their own children

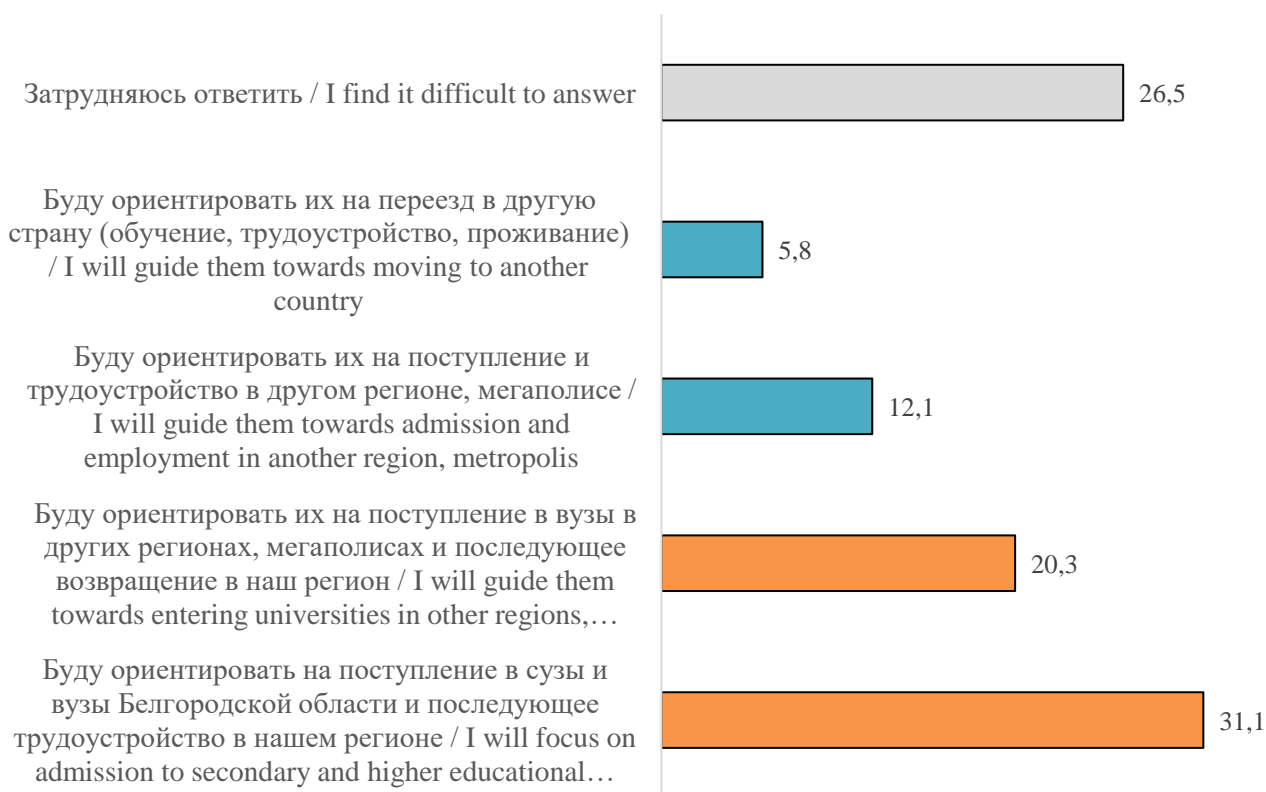

Рисунок 6. Ответы респондентов на вопрос: «Когда у Вас будут собственные дети (или они у Вас уже есть) и они закончат школу, как Вы будете ориентировать их?»

Figure 6. Respondents' answers to the question: "When you have your own children (or you already have them) and they finish school, how will you guide them?"

Заключение (Conclusions). По результатам исследования можно сделать вывод о том, что в региональном пространстве превалирует тип молодежи, ориентированный на традиционный семейные ценности и, судя по положительной динамике данного типа за последние годы, рост его приверженцев связан, в том числе, с проводимой федеральной и региональной политикой, воспитательным воздействием институтов образования. Нельзя однозначно утверждать, что показатель в 54,5% является оптимистичным – он показывает лишь небольшой перевес молодежи, выбирающей традиционную семью и ценности, при том, что 45,5% имеют риск выбора неэффективных матримониальных

стратегий, снижающих вероятность достижения задач национальной политики по повышению демографических показателей населения.

Построение агентных моделей для матримониальных стратегий показало, что есть определенная специфика в их формировании для разных социальных групп, что, в том числе, обозначило и риски для национальных политик: например, гендерные различия матримониальных диспозиций определили большую склонность мужчин к традиционным семейным ценностям и большую ориентацию на «правильные» матримониальные жизненные шаги (вступление в брак, рождение детей и их количество). Такая расстановка показывает

риски деформации для молодых девушек семейных ролей и в целом, нарушение линейности матримониального воспроизводства.

В агентных моделях учащейся, студенческой и работающей молодежи однозначна возрастная динамика, приводящая к выводу о «дозревании» молодежи до ценности семьи, ее традиционности и ее ценностях. Но, несмотря на данный позитивный момент, есть риски, связанные с невысокими выборами многодетности, а также выборами альтернативных стратегий (бездетности, чайлдфри) и сохранении их значимости в возрастном диапазоне.

В рамках анализа было выявлено, что качество жизни молодежи и их семей напрямую коррелирует с готовностью разделять традиционные ценности, делать значимые жизненные выборы в матримониальных стратегиях – такая связь ставить определенные задачи перед национальной политиками и программами ее развития.

Было определено, что существуют различительные черты в социальных портретах молодых людей, построенных на основе типов матримониальных диспозиций, и эти портреты показывают, как правило, что ценности, отраженные в матримониальной стратегии, связаны с ценностями и моделями поведения, лежащими в основе реализации других стратегий. В этой связи определено, что молодежь, относящаяся к традиционному типу матримониальных диспозиций, склонна выбирать более эффективные (с позиции государства) типы диспозиций и жизненные планы относительно важных стратегических направлений жизненной реализации.

Данные исследования могут быть востребованы органами государственной и муниципальной власти (в том числе и на федеральном уровне), органами управления молодежной политикой региона, а также образовательными организациями, для построения

воспитательных и образовательных программ, направленных на формирование традиционных ценностей современной молодежи.

Список литературы

Антонов А. И. Микросоциология семьи. Москва: Nota Bene, 1998. 357 с.

Артамонова А. Я., Митрофанова Е. С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. № 1. С. 106-137.

Благорожева Ж. О. Семейные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 91-102.

Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30-39.

Бухалова Н. А. Особенности матримониального поведения людей в позднем возрасте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 2 (22). С. 19-24

Вержибок Г. В. Семейные ценности студенческой молодежи как матрица построения будущего // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 3. С. 75-95.

Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40-55.

Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3-4. С.15-20

Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83-94.

Миронова Ю. Г. Особенности матримониального поведения современной молодежи // Дискуссия. 2016. № 4 (67). С.106-112.

Поленова М. Е., Лазуренко Н. В., Подпорошникова Н. Н., Королева К. Ю. Матримониальное поведение студенческой молодежи в контексте изучения социального

здоровья (гендерный аспект) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S1. С. 765-773.

Попова Л. А. Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях усиления мер демографической политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 2. С. 95-111.

Ростовская Т. К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 46-52.

Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Благополучная молодая семья: поиск баланса между самореализацией и демографическими стратегиями // ЦИТИСЭ. 2022. № 3 (33). С. 203-214.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью) // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 2. С. 67-80

Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 121-129.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 527-545.

Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 31-42.

Семенцова К. Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 109-113.

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Муртузалиев С. И. Особенности брачных,

семейных и миграционных намерений современной молодежи российского кавказа // Социодинамика. 2018. № 11. С. 33-44.

Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. Москва: Статистика, 1978. 224 с.

Шабунова А. А., Ростовская Т. К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 38-57.

Шаповалова И. С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 150-163.

Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4 (117). С. 902-932.

References

Antonov, A. I. (1998), *Mikrosotsiologiya semi* [Microsociology of the family], Nota Bene, Moscow, Russia, 357. (In Russian)

Artamonova, A. Ya., Mitrofanova, E. S. (2018), "Matrimonial behavior of Russians against the background of other Europeans", *Demograficheskoe obozrenie*, (1), 106-137. (In Russian)

Blagorozheva, Zh. O. (2022), "Family strategies of regional youth", *Research result. Sociology and management*, 8 (3), 91-102. (In Russian)

Blagorozheva, Zh. O., Shapovalova, I. S. (2024), "The influence of alternative values and attitudes on matrimonial strategies of young people", *Social'naya politika i sociologiya*, 23 (2), 30-39. (In Russian)

Bukhalova, N. A. (2011), "Features of matrimonial behavior of people at a late age", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, (2), 19-24. (In Russian)

Verzhibok, G. V. (2018), "Family values of student youth as a matrix for building the future", *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nykh nauk*, 19 (3), 75-95. (In Russian)

Vishnevsky, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., Zyryanova, O. B. (2024), "Matrimonial and reproductive attitudes of young people in the

context of the security of a young family”, *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (1), 40-55. (In Russian)

Golod, S. I. (1996), “Modern family: pluralism of models”, *Sociological Journal*, (3-4), 15-20. (In Russian)

Kisilenko, A. V., Shapovalova, I. S. (2023), “Designing a Life Path or How Young People See Their Future?”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 83-94. (In Russian)

Mironova, Yu. G. (2016), “Features of matrimonial behavior of modern youth”, *Diskussiya*, 4 (67), 106-112. (In Russian)

Polenova, M. E., Lazurenko N. V., Podporinova, N. N., Koroleva, K. Yu. (2023), “Matrimonial behavior of student youth in the context of studying social health (gender aspect)”, *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, 31 (S1), 765-773. (In Russian)

Popova, L. A. (2022), “Reproductive attitudes of young real generations in the context of strengthening demographic policy measures”, *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsialno-ehkonomicheskie nauki*, (2), 95-111. (In Russian)

Rostovskaya, T. K. (2015), “Features of the matrimonial behavior of Russian youth”, *Chelovek v mire kul'tury*, (3), 46-52. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Bezverbnaya, N. A. (2022), “Prosperous young family: finding a balance between self-realization and demographic strategies”, *CITISEH*, (3), 203-214. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. (2023), “Strategies for Forming the Well-Being of Student Families (Based on the Results of an In-Depth Interview)”, *Logos et Praxis*, 22 (2), 67-80. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A. (2021), “Reproductive Attitudes in Russian Society: According to the All-Russian Sociological Survey”, *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ehkonomicheskie nauki*, 14 (2), 121-129. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2020), “Transformation of the Image of the Desired Family Model in Different Generations: Results of the All-Russian Sociological Survey”, *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 20 (3), 527-545. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., Kalachikova, O. N. (2023), “Marital and family

ideas of student youth: based on the results of the author's study”, *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (3), 31-42. (In Russian)

Semenova, K. R. (2022), “Marital and family behavior of young people in modern Russian society: attitudes and values”, *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 12 (4), 109-113. (In Russian)

Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu., Murtuzaliev, S. I. (2018), “Features of marriage, family and migration intentions of modern youth of the Russian Caucasus”, *Sociodinamika*, (11), 33-44. (In Russian)

Kharchev, A. G., Matskovsky, M. S. (1978), *Sovremennaya semya i ee problemy* [Modern family and its problems], Statistics, Moscow, Russia, 224. (In Russian)

Shabunova, A. A., Rostovskaya, T. K. (2020), “On the Need to Develop a Model of Optimal Conditions for the Formation and Implementation of Demographic Attitudes”, *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 13 (4), 38-57. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2023), “Self-assessment of financial situation and social strategies of young people”, *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 29 (3), 150-163. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2021), “Problems of implementation of state youth policy in the reflection of regional youth”, *Regionologiya*, 29 (4), 902-932. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 октября 2024 г. Поступила после доработки 01 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г. Received 20 October 2024. Revised 01 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Благорожева Жанна Олеговна, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Zhanna O. Blagorozheva, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Стратификация матримониальных жизненных планов региональной молодежи

Жизненные планы / Life plans	Варианты / Options	Мужчины / Men	Женщины / Women	Средний город – областной центр / Medium-sized city – regional center	Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	Учащаяся молодежь / Schoolchildren	Студенческая молодежь / Student youth	Работающая молодежь / Working youth	Высокий уровень экономического достатка / High level of economic	Экономический достаток выше среднего / Economic wealth is above average	Средний уровень экономического достатка / Average level of economic wealth	Экономический достаток ниже среднего / Below average economic wealth	14-15 лет / 14-15 years old	16-17 лет / 16-17 years old	18-21 год / 18-21 years old	22-25 лет / 22-25 years old	26-30 лет / 26-30 years old	31-35 лет / 31-35 years old
Вступить в брак / Get married	Обязательно / Necessarily	59,8	55,8	56,9	56,3	59,1	57,5	57	58,3	65,2	59,6	53,6	42,6	54,4	61,8	56,2	58,1	55,9	60,3
	Желательно / Desirable	28,3	30,9	29,5	32,3	28,4	30,4	29,8	28,8	24,4	28,7	33,5	31,3	32,6	29,5	29,1	30,3	30	27,7
	Не обязательно / Not necessarily	11,9	13,3	13,6	11,4	12,5	12,1	13,2	13	10,4	11,7	12,9	26,1	13	8,7	14,7	11,6	14	12
Иметь одного ребенка / Have one child	Обязательно / Necessarily	51,4	46,9	48,6	47,1	50,2	48,1	49,4	48,4	54,7	51,4	45,2	33,4	44,6	52,2	48,6	51,9	46,3	46,9
	Желательно / Desirable	34	35	34,9	36,7	32,4	36,7	32,5	34,5	30,4	34,3	36,8	36,2	39,8	35,4	32	31,7	37,7	37,1
	Не обязательно / Not necessarily	14,6	18,1	16,5	16,2	17,4	15,2	18	17,1	14,9	14,4	18	30,4	15,6	12,4	19,4	16,4	16	16

Иметь двух детей / Have two children	Обязательно / Necessarily	36,2	26,1	31,7	29,1	28,7	33	25,1	34,6	40,5	31,4	25,2	20,4	34,8	32,5	24,9	33,5	28,7	41,1
	Желательно / Desirable	34,2	36,3	33	36,8	38	32,7	38,1	35,7	30,4	36	37,8	32,2	31,7	34,4	36,9	35,4	43,8	30,9
	Не обязательно / Not necessarily	29,7	37,6	35,3	34	33,3	34,3	36,8	29,7	29	32,5	37	47,4	33,6	33,2	38,1	31,1	27,5	28
Иметь трех детей / Have three children	Обязательно / Necessarily	23,8	12,6	20,2	14,6	14,7	23	11,1	17,3	26,6	19,4	10,3	15,2	24	24,5	10,6	16,3	14,9	22,3
	Желательно / Desirable	24,6	20,5	21,6	22,8	22,4	21,6	20,9	25,9	21,6	21,5	23,1	21,9	22,5	21,1	19,9	23,7	29,8	29,1
	Не обязательно / Not necessarily	51,7	66,9	58,2	62,6	63	55,4	68	56,8	51,7	59,1	66,6	62,9	53,5	54,4	69,4	60,1	55,4	48,6
Иметь более трех детей / Have more than three children	Обязательно / Necessarily	23	10,3	19,1	13,3	11,7	22,8	8,5	14,3	26,5	17,6	8,3	11,6	24,8	23,8	8,4	14	10,5	17,4
	Желательно / Desirable	17,1	13,8	14,6	15,8	15,3	15,6	13,5	17,5	15,4	14,8	14,8	18,5	18,1	14,3	12,3	16,1	19,8	22,3
	Не обязательно / Not necessarily	59,9	75,9	66,3	70,9	72,9	61,6	78	68,1	58,1	67,6	76,9	69,9	57,1	61,8	79,3	69,9	69,7	60,3

Жить совместно со своими детьми в старости / Living together with your children in old age	Обязательно / Necessarily	22,8	10,6	18,4	13,6	13	22,2	9,3	14,8	26,7	17,2	9	11,6	22,8	24,5	9,1	14,7	10,7	17,7
	Желательно / Desirable	21,2	15,3	16,6	18,3	18,7	19,9	14	20,4	19,1	16,6	17,2	23,7	24	16,5	14,2	16,9	19,3	27,1
	Не обязательно / Not necessarily	56	74,1	65	68,1	68,3	57,9	76,7	64,8	54,2	66,3	73,8	64,7	53,2	58,9	76,8	68,4	70	55,1
Жить вместе с престарелыми родителями, в случае их болезни и немощи / Live with elderly parents in case of their illness and infirmity	Обязательно / Necessarily	44,6	39	42,9	36,5	42,6	46,8	37	38,5	50,1	42,3	37,2	31	45,5	48,2	38,3	35,6	39,9	38,3
	Желательно / Desirable	34,2	39,1	33,1	40,9	39,9	33,3	41,6	35,9	32,2	36,9	40,2	34	32,3	35,8	39,8	38	32,5	40
	Не обязательно / Not necessarily	21,2	22	24	22,6	17,4	20	21,4	25,7	17,7	20,8	22,5	35	22,3	16	22	26,4	27,5	21,7